

УДК 94(477.8).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/5

Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, русская модели

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

Раскрывается исторический опыт развития движения трезвости во второй половине XIX – начале XX в. в Буковине, которая в то время входила в состав монархии Габсбургов, где имела статус коронного края Герцогство Буковина, и в Хотинском уезде Бессарабской губернии Российской империи. Показаны особенности историографии исследуемой проблемы, которая отражена в работах общественно-политического, историко-этнографического, этнодемографического характера. Определены три основные группы предпосылок и факторов, которые обусловили возникновение и характер развития движения трезвости в Буковине и Хотинщине: этносоциальная структура, социально-экономическое положение населения; традиционно-бытовая культура русинов; алкогольная политика государства; высокий уровень развития пьянства и др. Охарактеризованы особенности трёх организационно-идеологических моделей развития движения трезвости. Первая – евроатлантическая – проявилась в возникновении и разных формах деятельности обществ и братств трезвости в США и странах Европы. Вторая – русинская (галицко-буковинская) – проявилась в Герцогстве Буковина в деятельности обществ и братств трезвости, которые организовывали присяги трезвости, «проводы водки», установление «крестов трезвости», безалкогольные свадьбы, другие семейные и общественные торжества. Показана деятельность «апостолов трезвости», прессы и других общественных институций в этом направлении. Третья модель – русская – проявилась в функционировании

на Хотинщине попечительств о народной трезвости, которые открывали чайные-читальни, библиотеки, проводили просветительскую работу. Проведён комплексный сравнительный анализ сути и особенностей этих моделей.

Ключевые слова: Буковина, русины, пьянство, движение трезвости, алкогольная политика, попечительства о народной трезвости.

The phenomenon of temperance movement in Bukovina and Khotyn District of Bessarabia Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article outlines the historical experience of the temperance movement development in the second half of the 19th – early 20th centuries in Bukovina, which at that time was part of the Habsburg monarchy as the Duchy of Bukovina with the status of the crown land, and in Khotyn District of Bessarabia Province of the Russian Empire. The historiography of the problem under study is fragmentarily reflected in socio-political, historical-ethnographic, and ethno-demographic writings. The authors have identified three main groups of prerequisites and factors determining the temperance movement in Bukovina and Hotynshchyna: the ethno-social structure and socio-economic situation of the population; the traditional everyday culture of the Rusins; the alcohol policy of the state; high level of drunkenness, etc. The article carries out a comprehensive comparative analysis to describe three organizational and ideological models of the temperance movement development. The first – Euro-Atlantic – manifested itself in various forms and activities of temperance associations and societies in the United States and European countries. The second – Rusin (Galician-Bukovinian) – manifested itself in the activities of the temperance associations and societies in the Duchy of Bukovina, which organized oaths of sobriety, “farewell to vodka”, “crosses of sobriety”,

alcohol-free weddings and other family and social celebrations. The activity of the “apostles of sobriety”, the press and other public institutions is shown. The third – Russian – model related to the guardianship for people's sobriety in Khotyn region, which opened tea-reading rooms and libraries and carried out educational work.

Keywords: Bukovina, Rusins, drunkenness, temperance movement, alcohol policy, guardianship for people's sobriety.

Производство и потребление крепких напитков более 10 тыс. лет сопровождают развитие человеческой цивилизации. Эта проблема приобрела всеобъемлющий, универсальный характер, т. к. охватывает все сферы жизни общества (экономику, социальные отношения, культуру, образование) и касается каждого человека, что проявляется в его мировосприятии, социальном положении, образе жизни, психофизиологическом состоянии.

Интересы государства и гражданского общества, касающиеся производства и потребления алкоголя, должны быть общими, ведь моральное и физическое здоровье, безопасность и свобода человека являются высшей ценностью цивилизованного общества. Но в исторической ретроспективе и современных реалиях они не всегда совпадают. Алкоголь был и остается важным источником пополнения бюджета государства, которое не всегда ведет сбалансированную политику между стимулированием его производства и ограничением потребления в интересах граждан. Государственные меры регулирования и контроля за реализацией крепких напитков часто носят формальный характер, игнорируются органами местной власти и самоуправления ради пополнения своих бюджетов. Алкоголь был и остается важным источником обогащения для разного рода предпринимателей, торговцев, посредников, контрабандистов. В таких условиях именно гражданское общество в виде добровольных церковных и светских объединений мобилизовало здоровые силы на борьбу с пьянством, которое разлагало людей, несло нищету, моральную и физическую деградацию.

С таких позиций значительный научный и общественный интерес представляет исторический опыт развития движения трезвости в Буковине и Хотинщине во второй половине XIX – начале XX в. Оно стало ответом имперской политике наращивания производства алкоголя и спаивания населения края. Его характер и особенности в значительной степени обуславливаются геополитическим положением Буковины, которая в географическом отношении охватывает территорию между средним течением Днестра и Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета. В указанный период она входила в

состав двух государственно-политических систем. Как составляющая монархии Габсбургов в 1849–1918 гг. имела статус коронного края Герцогство Буковина (нем. Herzogtum Bukowina) площадью 10,4 тыс. км². Хотинский уезд (почти 4 тыс. км²) с 1812 г. по Бухарестскому мирному договору входил в состав Бессарабской губернии Российской империи. При такой территориальной раздвоенности русины были открытыми к общественным и культурным влияниям Запада, России, а также Галиции, находившейся под властью Габсбургов.

Историография исследуемой проблемы имеет ряд особенностей. Она нашла фрагментарное отражение в современных работах, посвященных общественно-политической жизни края (Е. Валявская [8], А. Добржанский [20] и др.), в частности, в специальных публикациях по этой теме В. Ботушанского [2]. Не потеряли научно-познавательного значения и работы Г. Купчанко [31; 32], В. Навроцкого [39], И. Франко [56] и др., появившиеся в XIX в., где борьба против пьянства рассматривается сквозь призму алкогольной политики государства. Эти вопросы фрагментарно освещаются в работах М. Гредингера [11], И. Кукурина и Е. Никулиной [33], А. Манастырского [34], А. Мендельсона [35] и др. Они посвящены «кабацкому делу» в России. Традиции употребления алкоголя русинами Буковины и другие проблемы их этнокультуры отражены в трудах по этнографии (Р. Кайндль [28; 64], Г. Кожоляно [30], И. Побережник [46] и др.), этнодемографии (И. Монолатий [38], А. Скорейко [51], С. Суляк [52]). Работы о деятельности попечительств о народной трезвости в Российской империи ученых РФ (А. Гаврилов, О. Букреева [7], А. Керзум, А. Соловьёв и др.) и Украины (Л. Дубровина, В. Соколов [53], Т. Соломонова, С. Шуклина и др.) отражают их общие и различные взгляды по этому вопросу.

Однако в предложенном нами ракурсе представленная проблема в историографии не рассматривалась. Считаем, что именно три обозначенные модели – евроатлантическая, русинская (галицко-буковинская) и российская (на Хотинщине) – отражают феномен развития движения трезвости в Буковине во второй половине XIX – начале XX в. Его аналог трудно найти в истории монархии Габсбургов, Российской империи, других стран Европы.

Предлагаем такой концептуальный подход и логику рассмотрения поднятого вопроса: определение предпосылок и факторов, обусловивших возникновение и характер развития движения трезвости в Буковине; обсуждение этапов, форм, тенденций его развертывания на трех уровнях: общеевропейском, региональном (Герцогство Буковина, Хотинщина), локальном (уезд, город, сельская община). Необходимые основания для этого дают разнообразные источники (материалы архивов, статистики, прессы, антиалкогольная литература и др.).

Возникновение и развертывание движения трезвости в Буковине в исследуемый период определяли три группы факторов: этносоциальная структура и социально-экономическое положение населения края; традиционно-бытовая культура русинов; алкогольная политика государства.

С 1880 по 1910 г. численность населения Герцогства Буковина выросла с 568,5 до 795 тыс. чел. За это время удельный вес русинов в его структуре снизился с 42,2 до 38,4 %, но они оставались доминирующей этнической общностью по сравнению с румынами (34,4 % по состоянию на 1910 г.), немцами (21,2 %), евреями (12,9 %), поляками (4,6 %) и др. Около 89 % русинов были заняты в сельском хозяйстве, причем аграрный пролетариат составлял 27 %. В промышленности работало всего 3 % русинов, в торговле и транспорте – 2,3 %; т. н. свободные профессии (учителя, юристы, врачи и т. д.) представляли 5,4 % [38; 51; 61; 64].

Около 88 % румын также были заняты в аграрном секторе, но среди них был большой процент землевладельцев, военнослужащих, ремесленников. Численность евреев в Герцогстве Буковина в 1846–1910 гг. выросла в 9 раз, до 96,2 тыс. чел. Они монополизировали мелкую торговлю, в т. ч. алкоголем, и активно влияли на производство водки и пива как предприниматели и арендаторы. Немцы способствовали развитию пивоварения в крае как владельцы и работники предприятий, а также как торговцы пивом.

Иную этносоциальную структуру имел Хотинский уезд. На рубеже XIX–XX вв. его население достигло 308 тыс. чел., из них русины составляли 53,2 %, молдаване – 23,4 %, евреи – 15,6 %, русские – 5,8 %, поляки – 0,7 %, немцы – 0,2 %. Среди двух численно доминирующих сообществ преобладало крестьянство (95 %), в т. ч. числе безземельное (25 %)¹ [38; 52; 64].

Исследуя вопрос потребления алкоголя в исторической ретроспективе, ученые определили важную закономерность: чем ниже экономические позиции и социальный статус определенных слоев населения, тем выше среди них был уровень пьянства. Они в большей степени склонны к употреблению крепких напитков (водка, ром) и разной браги. Эти напитки наносят больший вред здоровью, чем слабоалкогольные (вино, пиво). «Престижное» потребление алкоголя и постмодернистский стиль жизни были более характерны для городских, чем сельских жителей [29; 58: 7–8; 63].

Значительное влияние на потребление алкогольных напитков имели этнокультурные традиции, обычаи, ментальные установки русинов Буковины. Историко-этнографические работы свидетельствуют о высокой степени присутствия алкогольных напитков, прежде всего

водки, в их укладе жизни, обычаях, семейной (свадебной, родильной, крестильной, поминальной) и календарной обрядности [30–32; 46; 61; 64]. Такую ситуацию сквозь призму народных представлений отразил журнал «Русская правда» (1888 г., ноябрь): большая привязанность к рюмке в крае проявляется при каждой возможности – при «плохой еде» (пищеварении); при рождении ребенка; помолвке, свадьбе, крестинах, похоронах; в начале и по окончании хозяйственных работ (вспашка, сев, кошение, молотья); при постройке дома, хлева, копании колодца; при продаже и покупке; при проводах в армию, на заработки; при посещении гостей; на каждый праздник; при ухаживании и ссорах; для лечения всевозможных болезней; на выборах в общественный совет, краевой сейм, парламент; по любому другому поводу или без повода.

Ментальное восприятие алкоголя как средства социальной коммуникации, удовольствия, спутника всякого общественного и частного дела отражают памятники народного творчества. Они свидетельствуют, что пьянство как «временное» явление часто оправдывалось «злой судьбой» (водка как «средство утешения и успокоения»), но осуждалось, если грозило здоровью, сохранению имущества, трудовой деятельности. Всё это является важным фактором и фоном, которые определяли масштабы потребления алкоголя и организацию борьбы с данным социальным явлением.

Третьим весомым фактором влияния на эти процессы стала алкогольная политика господствующих государственных систем. Учёные определяют ее как «ответ общества на потери, которые наносит ему алкоголь», как совокупность правовых, экономических и физиологических факторов, обуславливающих доступность алкоголя обывателю и др. Во всех случаях эта политика предполагает государственный контроль за производством и реализацией алкоголя (монополия, налоги), меры по уменьшению его употребления (образование, пропаганда), устранение последствий пьянства и т. п. [29; 48; 58; 63; 65; 67].

Алкогольная политика монархии Габсбургов во второй половине XIX – начале XX в. прошла сложную эволюцию от феодально-барщинных порядков к цивилизованным правилам капиталистического рынка со свободной конкуренцией. Ее особенности в Буковине и Галиции были связаны с пропинацией – монопольным правом помещиков производить в своих поместьях водку и пиво, которые в принудительном порядке предлагались крестьянам. За это они отработывали дополнительную барщину или платили специальные налоги, а потом употребляли этот «очень необходимый продукт» [56: 495–500].

Согласно патенту о ликвидации барщины от 7 сентября 1848 г., практика принудительной покупки крестьянами водки и пива отменялась, но право на их производство и продажу осталось неурегулированным, что позволяло бывшими пропинаторам получать сверхприбыли. Только в мае 1876 г. приняли краевой закон, согласно которому производство алкоголя объявлялось «свободным занятием», продавать его могли мелкие торговцы на закрепленных за ними «пропинационных территориях». С 1911 г. исключительное право на производство и розничную торговлю алкоголем было передано краевой администрации и городским магистратам. Принятые имперским правительством в 1891, 1905, 1909 гг. нормативные акты детально регулировали развитие т.н. гостевого кабацкого промысла [49: 51–63].

В соответствии с имперским законодательством по видам реализации алкоголя шинки (кабаки) делились на три группы: «водочные», «пивные», «винные». При попустительстве центральной власти нормы, регулировавшие их численность по количеству населения, не выполнялись органами краевой администрации. Как следствие, в 1880–1890-х гг. численность кабаков на территории Герцогства Буковина колебалась в пределах 2,2–2,3 тыс. Согласно официальной статистике, одно такое заведение приходилось на 296 жителей края (в монархии Габсбургов – на 259 чел.). Это в 1,7 раза превышало официально установленные нормы для городов и в 2,7 раза для сёл (один кабак должен был приходиться на 500 и 800 жителей соответственно) [59; 60].

Во многих местностях, где большинство населения составляли русины, ситуация была еще хуже. Согласно донесению органов полиции, в 1904 г. в 24 селах Кицманского уезда (42,7 тыс. чел.) было 89 кабаков по продаже водки, 91 – пива, 12 – вина, т. е. одно такое заведение приходилось на 222 чел., включая женщин, детей, стариков. Подобная картина выявлена и в других уездах: в Вижницком – 130 кабаков на 48,1 тыс. жителей (один – на 370 чел.), в Черновицком – 413 – на 107 тыс. (один – на 258), в Заставнивском – 155 – на 50,7 тыс. (один – на 327) [17]. Изучая этот вопрос, И. Герасимович утверждал, что в крае есть общины, где один кабак приходится на сто и меньше жителей [10].

Правящие круги не были заинтересованы в сокращении объемов реализации алкоголя как важного источника пополнения государственного и краевого бюджетов. Поэтому, игнорируя нарушения в этой сфере, они всячески способствовали развитию гостевого кабацкого промысла. Как следствие, с 1854 по 1912 г. численность винокурен на территории Герцогства Буковина увеличилась с 32 до 66, а объемы производимого ими алкоголя – с 24 до 74 тыс. галлонов спирта в год (1 галлон – 4,54 л) [2: 29–30; 49: 68–70].

Всё это способствовало росту потребления крепких напитков и распространению пьянства. Численность населения края в 1854–1910 гг. увеличилась в 1,4 раза, а потребление алкоголя – в 2,3 раза, что составляло 8,9 л чистого спирта или 22,2 л 40-градусной водки на одного жителя. При этом потребление пива составляло 8–12 л, вина – 1,5–2 л на душу населения. По этим параметрам Буковина была близка к показателям России (17 л водки, 8 л пива, 3 л вина), но отличалась от США (8 л водки, 47 л пива, 3 л вина), а также Германии (13, 107 и 6 л соответственно), Франции (12, 22 и 103 л) и других европейских стран [2: 29–30; 49: 65–67].

Особенность ситуации состояла в том, что суммарно объемы потребления алкоголя (водки, пива, вина) русинами Буковины были меньше, чем во многих европейских странах, но уровень его алкоголизации был выше. Причины такого парадокса ясны. Во-первых, по сравнению с пивом и вином потребление водки наносит больший психофизиологический вред человеческому организму и имеет более негативные социальные последствия. Во-вторых, официальная статистика не отражала масштабов потребления «подлой» водки, которой, по утверждению экономистов того времени, продавалось в Буковине и Галиции больше, чем «доброй» 40-градусной. Для изготовления фальсификата шинкари использовали разные «рецепты», когда, например, к 100 л водки добавляли такой же объем смеси извести, перца, табака и др. Этой брагой они спаивали доверчивых русинов [39: 24].

Общий уровень алкоголизации населения был достаточно высоким. В 1901 г. в Черновицком уезде на официальном учете как зависимые от алкоголя состояли 636 чел., в Сторожинецком – 754 чел., треть из них составляли женщины. Согласно официальным данным, на 1 тыс. чел. приходилось 35–40 алкозависимых, хотя на Антиалкогольной конференции в Черновцах (1901 г.) утверждалось, что в реальности эти показатели были в 2–4 раза выше [66: 260].

Пьянство в сочетании с ростовщицеством и различными способами «кредитования» стало важным фактором обнищания русинов Буковины. Материалы прессы свидетельствуют о распространении т. н. алкогольной задолженности, когда через «водочный долг» крестьяне были вынуждены отдавать шинкарям собранный урожай и продукты питания, а нередко орудия труда и скот. Обнародовались многочисленные факты, когда целые общины, где преобладали «состоятельные и трезвые хозяева», на протяжении нескольких лет оказывались в нищете из-за того, что «спаивались жидами», которые «за проданную водку» присваивали земельные наделы и целые хозяйства [1; 41]. «Коммерсанты» нагло обманывали доверчивых крестьян, взимая за

долги гораздо больше денег, продуктов, имущества, чем суммы, потраченные на водку. Например, в с. Неполокивци Кицманского уезда шинкарь Блошницер за дешевую «брагу на свадьбу» потребовал «пару хороших волов» и сразу продал их на ярмарке в Черновцах за 150 золотых, что в несколько раз превышало позаимствованную сумму [36].

Пьянство способствовало ухудшению криминогенной ситуации в Буковине. Анализируя это явление, социологи утверждали, что попытка получить деньги на водку и ее неумеренное употребление были причиной большинства «сознательных» и «несознательных» уголовных преступлений, административных правонарушений и аморальных поступков [23; 24].

Употребление алкоголя пагубно сказывалось на физическом здоровье русинов и моральном климате в общинах. Пресса фиксировала множество тому примеров: в с. Бряза шинкарь Гинсбрунер «сознательно споил Пантелея Типуляка до такой степени», что в «черновицкой больнице ему констатировали полное помутнение рассудка от водки» [21]; арестованный в состоянии полного опьянения Петр Мендрак так и не пришел в себя и умер в полицейском участке [42]; в с. Новые Мамаевцы пьяная потасовка на свадьбе закончилась смертью юноши [40]; пребывая в нетрезвом состоянии, хозяин Порайко в с. Широцы, «не осознавая свои действия», поджег собственный дом [6] и т. п.

Ситуацию усугубляло отсутствие элементарных знаний о пагубном воздействии алкоголя на человеческий организм. Это ярко проявилось в отношении его употребления детьми. В буковинских и галицких семьях еще в начале XX в. сохранялся обычай давать детям водку, в чистом виде или разведенную, для «улучшения аппетита», «чтобы не плакали», при отравлениях и в других случаях [49: 70–73].

Многие общественные деятели утверждали, что рост пьянства стал реальной угрозой для сохранения генофонда русинов Буковины [12; 25]. Очевидно, ситуацию не следует драматизировать, но такое положение дел подтверждают и результаты научных исследований. Польский историк и этнограф Н. Губильски отмечал, что в конце XIX в. во многих местностях Галиции и Буковины треть и более жителей совсем не употребляли алкоголь или делали это изредка. Однако таких общин было значительно меньше, чем тех, где употребление крепких напитков стало нормой жизни [61: 143–144].

Обозначенные предпосылки предопределили характер противодействия злоупотреблению алкоголем. Это вылилось в сложный многоаспектный процесс, который в общественном лексиконе и научных исследованиях обозначают как «движение трезвости», «антиалкогольная борьба». Распространенный подход, согласно которому

они отождествляются с противодействием алкогольной политике государства, не совсем корректен, поскольку оно также публично декларирует отрицательное отношение к пьянству и осуществляет контроль, ограничительные меры по производству, реализации и потреблению алкоголя, ведет пропаганду здорового образа жизни и т. п.

Исходя из реалий, можно определить два основных вектора движения трезвости в Буковине во второй половине XIX – начале XX в. Первый – государственно-правительственный – проявлялся в реализации официальной законодательной и административной политики, касавшейся контроля и ограничения производства, реализации и потребления алкоголя. Второй – общественно-самодеятельный – имел два направления (церковно-религиозное и светское) и стал главной силой в искоренении пьянства.

Публично разделяя европейские ценности и опыт регулирования алкогольной политики, правительственные круги монархии Габсбургов предпринимали меры по регулированию производства и торговли алкоголем, а также контроля за его качеством и потреблением. Это проявилось в принятом 19 июля 1877 г. специальном законе для Королевства Галиции и Лодомерии и Герцогства Буковина, который запрещал «побуждать людей к пьянству» в публичных местах, кабаках, трактирах (заезжих домах), на улицах; давать водку в кредит, если должник не рассчитался по предварительным обязательствам, и т. п. Лицам, которые трижды наказывались за пьянство, уездные власти могли запретить в течение года посещать питейные заведения. За нарушение закона пьяницам угрожал арест до одного месяца или штраф в размере 50 золотых, а шинкари могли лишиться лицензий [22].

Принятые после отмены права пропинации правительственные распоряжения 1853, 1855, 1858 гг. и новый антиалкогольный закон 1881 г. регламентировали условия открытия питейных заведений (отдаленность от школы и церкви не менее чем на 300 м, согласие общины, пропорции относительно численности населения и т. п.), а также запрещали продажу спиртных напитков в ночное время и ограничивали время работы кабаков в субботние, воскресные и праздничные дни. За их нарушение грозили штраф до 200 крон, арест до 14 дней, другие меры наказания [13; 57: 122–124].

Выполнение этих и других нормативно-правовых актов откровенно игнорировали и органы власти, и посетители кабаков, и их владельцы. Ярким тому подтверждением служит помещенный в «Черновицкой газете» (*Czernowitzer Zeitung*) от 28 апреля 1885 г. отчет управления жандармерии Герцогства Буковина, согласно которому в 1884 г. от сельских управ поступило более 2 тыс. заявлений о нарушении анти-

алкогольного законодательства, однако к ответственности привлекли только 41 чел.

Похожая система ограничительных мер в отношении производства, продажи и потребления алкоголя была прописана алкогольным законодательством Российской империи, которое реализовалось в Хотинском уезде Бессарабской губернии. Здесь действовали запреты на продажу алкогольных напитков в магазинах, торговавших другими товарами (1868 г.); на торговлю алкоголем в течение двух последних недель Пасхального поста (1873 г.); на открытие трактира в селе и городе без разрешения, соответственно, управы общины (1874 г.) и городской думы (1876 г.); на «сознательное спаивание» посетителей кабаков и реализацию напитков в долг или под залог личного имущества (1878 г.) и др. В 1885 г. были ликвидированы старые распивочные и введены новые правила розничной торговли, по которым алкоголь могли продавать в кабаках только с предоставлением закусок и горячих блюд [11: 51–55: 33: 129–133].

Начатая в 1895 г. российским правительством реформа по введению государственной монополии на производство и продажу алкоголя усиливала меры по повышению его качества и контроля за реализацией. Она предписывала создание попечительств о народной трезвости и их финансирование в размере 1 % доходов за реализованный алкоголь [35: 10–11].

Поскольку высшие правительственные круги империи Габсбургов, как и краевые администрации и органы местного самоуправления, не были заинтересованы в выполнении регулятивно-ограничительных мер по производству и продаже алкоголя, главным фактором антиалкогольной борьбы в Герцогстве Буковина во второй половине XIX – начале XX в. стал общественно-самодетельный вектор движения трезвости. Его участники, представлявшие церковно-религиозное и светское направления, объективно ориентировались на мировые и европейские организационно-идеологические модели, которые модернизировали в соответствии со своим национальными целями, интересами и общественными условиями развития.

Первые общества трезвости появились в США в конце XVIII – начале XIX в. как одно из ответвлений реформаторского движения, которое объединило разные социальные, этнические, религиозные, возрастные категории сторонников ограничения (запрета) производства и продажи алкоголя. Его идейная и организационная «многоликость» проявлялась в выдвижении широкого спектра законодательных, политических, социально-экономических, просветительско-пропагандистских и воспитательных, религиозных, морально-этических, медицинских требований и инициатив [66].

Наиболее мощной стала вторая волна движения в виде основанного 1826 г. в Бостоне Американского общества трезвости (American temperance Society). Через восемь лет деятельности оно выросло до 5 тыс. первичных организаций с 1 млн членов в 21 штате. В нем существовали течения, выступавшие за «контролируемое», «умеренное» употребление алкоголя и «полный отказ» от него. Основными формами и средствами деятельности были проведение митингов и демонстраций в поддержку трезвости, открытие безалкогольных бакалейных магазинов, таверн, т. н. домов трезвости, распространение литературы соответствующего содержания и т. п. [67].

Популярной формой этого движения были братства трезвости, которые копировали элементы масонских ритуалов. Образцом для подражания стал основанный 1835 г. в Великобритании «Независимый орден рехавитов» (по имени библейского Рехавата), действовавший в США до 1841 г., когда его преобразовали в «Орден сыновей трезвости». Позже братство превратилось в международное объединение с 700 тыс. членами [67].

Наследуя североамериканский опыт и опираясь на собственные традиции гражданского общества, разворачивалось движение трезвости в Западной Европе. По образцу его первых обществ в Шотландии (1826 г.) и Швейцарии (1837 г.) подобные ассоциации возникли в Норвегии (1850 г.), Германии (1883 г.), Австро-Венгрии (1884 г.), Франции (1895 г.), Польше (1902 г.), других странах. Их становление сопровождалось созданием разветвленных территориальных структур, ростом численности сторонников, поиском эффективных форм борьбы с алкоголизмом. Многие из них получили международное признание и распространялись в других странах, как, к примеру, создание народных кафе в Англии (Public Coffee-Houses), в которых малоимущие горожане за умеренную плату получали здоровую пищу и могли бесплатно отдохнуть в обустроенных помещениях за чтением книг и журналов. Общепризнанной стала изобретенная в 1865 г. шведским пастором и филантропом Визельгревом т. н. гетеборгская система, согласно которой часть прибыли от реализации алкоголя производители должны были отдавать на организацию антиалкогольной работы и др. [62: 21–24; 67].

Эти и другие организационно-идеологические модели проникали в Герцогство Буковина, где трансформировались и использовались в соответствии с интересами и потребностями разных этнических общностей. Доступные источники дают основания определить два основных пути их проникновения: через общеимперские организационные структуры и через Галицию, где развитие движения трезвости имело значительные успехи.

Основные достижения движения трезвости русинов Герцогства Буковина связываем с влиянием Галиции. Предметное исследование истории антиалкогольной борьбы галицких русинов во второй половине XIX – 30-х гг. XX в. позволяет утверждать, что именно ее формы, методы, механизмы оказались наиболее близкими и понятными буковинским русинам [49: 32–137]. В их основе лежали западные идейные и организационные модели, однако в Буковину они попадали уже в адаптированном к национальным потребностям и возможностям русинов виде.

В развитии движения трезвости буковинских русинов отслеживаем два основных этапа: первый приходится на 1870–1880-е гг., когда его движущей силой выступало православное духовенство; второй – на 1890-е гг. – начало XX в., когда в этой роли его сменила светская интеллигенция

В Герцогстве Буковина православные сельские священники начали активно выступать против пьянства в конце 1860-х гг. Выдававшиеся для них тексты «образцовых проповедей» выходили за пределы евангельского морализаторства и содержали красноречивые факты об размерах расходов крестьянских хозяйств и общин на алкоголь, о последствиях пьянства, которое приводит к разорению и нищете, росту преступности, заболеваний [37; 50].

Важными ячейками антиалкогольной деятельности стали действовавшие в селах и городах читальни для массового просвещения. По утверждению А. Добржанского, именно при них в середине 1870-х гг. в селах Валява, Суховерхов Кицманского уезда, Дихтинци Вижницкого уезда, Барбивци (ныне Брусница), Калинивци, Зеленев Вашковского уезда, Бродок Заставнивского уезда и др. священники создали первые общества трезвости. Они не имели формально-правового статуса и методического обеспечения, поэтому не могли эффективно функционировать только на энтузиазме отдельных приходов, в связи с чем и просуществовали недолго [20: 177].

Важной особенностью второй волны антиалкогольного движения в 1880-е гг. стало создание при сельских читальнях обществ трезвости, которые активно сотрудничали с церковными братствами. Доступные источники позволяют утверждать, что именно на этой основе начали создаваться или преобразовываться с действующих при читальнях братства трезвости при церквях. Основным условием для вступления в них было принятие в Божьем храме перед священником и верующими «присяжных-молитв», предусматривавших взятие обязательств относительно умеренного употребления алкоголя или полного отказа от него. Срок действия обеих присяг определялся преимущественно на 1–2 года, но иногда давали обет на всю жизнь. Фамилии и адреса

лиц, принявших присяги, фиксировали в «Книгах трезвости» [14; 15].

Принятие присяг сопровождалось личными обязательствами, подтверждавшими готовность соблюдать устав обществ трезвости. Уставы определяли требования к членам (христианская вера, отсутствие возрастных, половых, социальных ограничений); размеры годовых взносов; право носить медали трезвости и другие знаки отличия и др. Присягнувшие также обязывались побуждать к воздержанию от алкоголя членов своих семей и близких, всегда соблюдать «достойное поведение». Лица, нарушившие обеты, исключались из организаций и подвергались общественному порицанию, а фамилии тех, кто их поддерживался, вписывали в «Золотые книги трезвости» [15].

Третья волна развития обществ и братств трезвости началась в 1890 г., когда они стали переходить на новые уставы, разработанные по образцу Австрийского общества противодействия пьянству, которое возникло в 1884 г. в Вене во главе с юристом А. Даумом как официальный координационно-методический и контролирующий центр движения трезвости в монархии Габсбургов. Все действовавшие на ее территории общественные ассоциации, преследовавшие подобные цели, должны были ориентироваться на его идейные и организационные основы.

Примечательно, что именно известному этнографу и общественному деятелю Г. Купчанко, представителю русинов, руководство Австрийского общества противодействия пьянству в 1890 г. предложило разработать отдельный устав общества трезвости для Герцогства Буковина. Его цели и задачи, согласно утвержденному властью уставу, заключались в решительной борьбе с распространением пьянства и в организации разных форм массово-просветительской работы: публичных выступлений, бесед, чтений о вреде алкоголя и положительных последствиях трезвости, устройстве безалкогольных вечеринок, других мероприятий [55].

Хроника позволяет утверждать, что эта третья волна достигла апогея в 1894–1895 гг., когда в Герцогстве Буковина действовало около 30–35 обществ и братств трезвости, каждое из которых насчитывало от 15–20 до 70–80 членов. Материалы издававшегося Г. Купчанко в Вене журнала «Русская правда» свидетельствуют, что из столицы в край в большом количестве поступали инструктивно-методические материалы (уставы, антиалкогольные брошюры, книги, журналы, плакаты, «поучения» и т. п.). Венское руководство ежегодно награждало медалями трезвости десятки буковинских русинов за привлечение новых сторонников и активную просветительскую работу.

В середине 1890-х г. в движении трезвости начала активно участвовать светская интеллигенция, прежде всего учителя. К нему

приобщались известные общественные деятели. Например, созданное в 1895 г. по инициативе старосты и крупного землевладельца Н. Василько общество трезвости в с. Лукавци Вижницкого уезда газетой «Буковинские ведомости» (1895 г., 20 октября) было названо одним из лучших в крае благодаря его многочисленности и активной деятельности. Однако после избрания руководителя послом Буковинского сейма оно пришло в упадок.

Кроме публичных чтений и распространения литературы, члены обществ трезвости организовывали безалкогольные церковные, общественные и семейные торжества. В 1880–1890-х гг. в Герцогстве Буковина вместе с присягами трезвости практиковалось проведение миссий трезвости, акций «похороны водки», установление крестов трезвости с надписями типа «Кресть победиль язычество – Кресть победить и пьянство» и др. Яркое описание таких акций, которые часто объединялись, на примере горных сел представил Р. Кайндль: возглавлявшаяся священником «похоронная» процессия величественно продвигалась к центральной площади села, где в выкопанную яму бросали бутылку с водкой и после призыва отказаться от вредной привычки над «могилой» устанавливали «Крест трезвости». Растроганные крестьяне давали клятву не пить, а кто ее нарушит, тот может тяжело заболеть и умереть. По утверждению ученого-этнографа, в таких акциях участвовало по два-три десятка, а иногда по несколько сотен человек [28].

Материалы прессы («Буковина», 1886 г., 13 марта; 1889 г., 17 января, 6 июня; «Добрі Ради», 1889 г., ч. 4; 1890 г., ч. 6–7; 1891 г., ч. 3; 1893 г., ч. 10–12 и др.) фиксируют множество фактов проведения в селах безалкогольных свадеб, крестин, похорон, храмовых праздников, других торжеств. Они по-разному воспринимались членами общин, что приводило к внутренним спорам и расколам. Таким ярким примером стала организованная Г. Пуричем, членом братства трезвости с. Топоривци (к нему принадлежали 30 членов из 5 тыс. жителей), безалкогольная свадьба младшей сестры. Он исходил из печального семейного опыта: родители, чтобы устроить старшей дочери свадьбу, продали часть поля; сам Г. Пурич за купленную на собственную свадьбу водку несколько месяцев отрабатывал на лесоповале. На эту свадьбу пришли только члены читальни, а вся родня ее проигнорировала: «Что это за свадьба без водки». Интересно и то, что более состоятельная часть сельчан «умеренно» употребляла водку и не брала в долг у шинкаря. А другая часть, которая была беднее, выпивала часто и постоянно угрожала членам братства. На этой почве в селе возникали ссоры, доходило до драк.

Ширилась практика проведения свадеб, на которых вместо водки угощали только пивом. В этом случае на алкоголь тратили в 3–4 раза меньше средств, как правило, не было гостей с признаками сильного опьянения.

Пресса популяризировала успехи деятельности обществ и братств трезвости, когда в воскресные и праздничные дни люди вместо кабака шли в читальню, а сэкономленные благодаря отказу от водки деньги тратили на богоугодные цели. Таким образом, члены братства с. Рогизна, что около Черновцов, закупили лесоматериалы и возвели дом для вдовы (Буковина, 1895 г., 14 января), а в упоминавшихся нами выше Топоривцах для малоимущих крестьян построили три хаты (Буковина, 1888 г., 13 сентября).

Уникальным явлением антиалкогольного движения Буковины стала деятельность т. н. апостолов трезвости. Полосы буковинской прессы зафиксировали имена наиболее известных среди них: «проповедник трезвости с. Магали Стефан Саинчук», «апостол Тимуш (Власий) родом из Путилова», «Фома с гор», «девушка-пророчица Елена Юрийчук с Глиницы» и др. Обходя города и села, они в проповедях клеймили пьянство, курение табака, разврат, воровство, призывая народ поститься и придерживаться своей веры [3; 4; 6; 26–28; 43; 47].

«Апостолы трезвости» производили сильное впечатление на набожное крестьянство. К «апостолу» С. Саинчуку приходили сотни верующих «для лечения от алкоголизма» и других недугов. На одно из очередных «предсказаний» Е. Юрийчук в августе 1898 г. возле церкви в с. Мариничи собралось около 1 тыс. прихожан из близлежащих сел, а также прибыл отряд жандармерии во главе с начальником вижницкого уездного подразделения. После призыва «девушки-пророчицы» «от имени Бога» отказаться от водки, потому что употребление алкоголя «вредно и грешно», ее арестовали, а когда стали увозить, в представителей власти полетели камни [47].

С деятельностью «Власия с Путилова», других «апостолов трезвости» пресса связывала массовое «отречение от пьянства» и факты установления крестов трезвости в десятках сел. Страсти вокруг них подогревали местные шинкари, которые засыпали органы власти донесениями, что «эти подозрительные лица» «баламутят народ», «занимаются воровством» и пр. [3; 4; 6; 26–28; 43; 47].

В 1890-е гг., когда руководство движением трезвости в Герцогстве Буковина начало переходить от духовенства к светской интеллигенции, в нем усилились явления стагнации и застоя. Это имело свои причины. Привыкшим к традиционному образу жизни крестьянам трудно было полностью отказаться от алкоголя, а принципы сдержанности и умеренности его потребления не пользовались популярностью. По-

этому после окончания сроков действия присяг большинство людей не принимали их повторно, а публичное осуждение лиц, нарушавших обеты, заставляло более взвешенно подходить к таким актам.

Отрезвление десятков общин приводило к уменьшению объемов потребления алкоголя, а следовательно, и прибыли от его производства и реализации. Это вызвало мощное контрнаступление арендаторов и евреев-шинкарей. Пресса пестрела свидетельствами о том, что они отговаривали крестьян от принятия присяг трезвости как «позорных для настоящих хозяев поступков», побуждали отказаться от присяг, соблазняя дармовой водкой и разрешением бесплатно выпасать скот на своих угодьях. Не гнушаясь никакими средствами, противники трезвости прибегали к поджогам усадеб и сенокосов поборников трезвости, угрозам и подкупу священников. Например, в с. Молдова-Сулица шинкарь Ицик за отказ провести присягу трезвости предлагал настоятелю о. Грибовскому 500 золотых [27].

Сопротивление антиалкогольному движению явно или скрыто поддерживали властные структуры. Показательными стали факты, когда жандармы запрещали проведение коллективных присяг и миссий трезвости, «похорон водки», установление крестов трезвости как мероприятий, нарушавших закон 1867 г. об общественных объединениях. На самом деле такие акты носили не общественно-политический, а церковно-религиозный характер, поэтому не нуждались в специальных разрешениях.

Когда в 1890-х гг. важной движущей силой движения трезвости в Герцогстве Буковина стала выступать светская интеллигенция, оно начинает приобретать более выраженный протестный общественно-политический характер. В городах и селах получило распространение проведение веч (народных собраний), где принимались петиции к органам краевой и уездной власти с призывами урегулировать, ограничить или вообще запретить деятельность кабаков. Есть основания связать эту первую волну «вечевых акций» 1901–1903 гг., которые приобрели массовый характер в Галиции и охватили десятки сел Буковины и Закарпатья, с забастовками крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Тогда в более чем 20 горных селах Буковины были приняты резолюции об ограничении деятельности кабаков – главных «рассадников пьянства», через которые народ страдает и «уничтожается морально и материально». При помощи депутатов С. Смаль-Стоцкого и Е. Пигуляка они поступали в Буковинский краевой сейм [16].

Вторую волну антиалкогольных веч в 1906–1907 гг. связываем с активизацией общественно-политического движения за избирательную реформу. Они также охватили десятки сел Верховинско-Путильского низкогорья и знаменовались принятием петиций к власти с

требованиями обеспечить выполнение действовавших предписаний об ограничении деятельности кабаков в выходные и праздничные дни (Буковина, 1906 г., 31 января; 1907 г., 26 мая, 13 сентября; 1908 г., 27 сентября, 11, 28 октября, 1 ноября). На этот раз сельские общины были настроены более решительно. Принимали повторные резолюции с требованиями закрыть или ограничить деятельность кабаков, потому что «пьянство уничтожает бедных гуцулов морально и материально» (с. Розтоки, май 1907 г.). Звучали призывы наказывать и лишать лицензий владельцев кабаков из-за того, что они пренебрегают действовавшими правилами работы (Довгопилля, Вижница, сентябрь 1908 г.), и др.

Большинство таких общественных протестов местная власть игнорировала, т. к. поддерживала шинкарей, которые платили немалые налоги или были с ней в сговоре. Поэтому крестьяне часто сами создавали т. н. почетные комитеты для контроля за деятельностью шинкарей. Но иногда и общественные выступления достигали цели. Например, Черновицкое уездное управление удовлетворило обращения крестьян с. Горишни Шеривци о прекращении строительства помещиком Эдлером фон Горовицем винокурни, которая должна была расположиться на расстоянии менее 100 м от школы и церкви, что прямо противоречило действовавшему законодательству [18].

Важную роль в развитии движения трезвости в Буковине играла периодическая печать. Она информировала о его развитии и формировала общественное отношение к алкоголю как «вековечному врагу русинов», который наносит им большой моральный, физический и материальный ущерб. Такие материалы встречаем почти в каждом выпуске газет и журналов «Русская правда», «Добрі Ради», «Буковинские ведомости», «Буковина» и др. Несмотря на идейные разногласия, они имели общее «антиалкогольное кредо». Его суть передает передовица «Мужицкая беда» в «Буковинских ведомостях» от 19 марта 1895 г.: «Водка убивает гораздо больше людей, чем войны и болезни вместе взятые»; священник, сознательный крестьянин и власть должны совместно выступать против кабаков как «рассадников пьянства, разврата, преступности» и евреев-арендаторов, шинкарей, которые производят и продают водку.

Каждое издание имело свой формат антиалкогольной пропаганды. «Русская правда» фиксировала хронику движения трезвости; «Буковина», кроме этого, опираясь на научные изыскания, активно разъясняла вредное воздействие алкоголя на человеческий организм (статьи «Водка», «Опасность водки»; перевод выступлений немецкого врача под названием «Водочная чума» и др.). Газета «Добрі Ради» в рубрике «Против пьянства» освещала зарубежный опыт антиалко-

гольной борьбы, давала практические рекомендации, как избавиться от алкогольной зависимости, и т. п. Она призывала священников «не пугать крестьян чертом и адом», а разъяснять им «реальную социальную и физиологическую опасность алкоголя», заставляя их задуматься, как действительно бороться против «водочного бедствия».

В Герцогстве Буковина достаточно четко проявилась тенденция, согласно которой социальная структура населения предопределяла уровень алкоголизации разных сословий. Представляет интерес исследование Е. Валявской, которая показала, что светская жизнь края во второй половине XIX – начале XX в. была пресыщена карнавалами, балами, вечеринками, другими развлечениями. Они сопровождались употреблением изысканных, элитных алкогольных напитков (вино, коньяк, шампанское) в ресторанах, кафе, частных домах [8]. Однако их чрезмерное потребление, пьянство в целом считалось проявлением «плебейства» и публично порицалось. Лица, игнорировавшие эти нормы, несмотря на социальный статус (чиновник, землевладелец, предприниматель, банкир, офицер, врач, адвокат и др.), могли подвергаться общественному неприятию и изоляции.

Примечательно еще одно явление. Этнические сообщества Буковины, как правило, самостоятельно реализовывали общественные национально-культурные проекты и выступали на международной арене со своими инициативами. Но в «антиалкогольном вопросе» они проявляли очевидное единство. Как показательный пример отметим инициативу Общебуковинской конференции учителей (август 1895 г.) о создании Краевого антиалкогольного общества, которое должно было сплотить представителей образовательных учреждений русинов, румын, немцев и поляков. На конференции обнародовали ужасающую ситуацию, касавшуюся алкоголизации школьной молодежи. В ее резолюции, напечатанной в газете «Буковина» от 6 августа 1895 г., утверждалась необходимость запретить учащимся участвовать в публичных мероприятиях, на которых употребляют крепкие напитки; усилить антиалкогольное просвещение во внешкольной деятельности и работе с родителями; активизировать издание учебной и научно-популярной литературы антиалкогольного содержания и т. п. Эти инициативы активно воплощали в жизнь буковинские педагоги.

Международные форумы и австрийский парламент использовались как трибуны для пропаганды идей движения трезвости и защиты его активистов от преследований. Так, 3 тыс. участников Австрийского аграрного съезда (Вена, ноябрь 1897 г.), выслушав выступление делегата Т. Прункула, приняли решение поддержать антиалкогольное движение в Буковине и требование не преследовать его активистов, выступавших против пьянства [3]. А участников X Международного

антиалкогольного съезда (Будапешт, сентябрь 1905 г.) поразил доклад М. Бориса об «антиалкогольном вопросе» в Буковине и Галиции. Делегаты форума выступили с призывом справедливо, в духе европейских ценностей решить «дело пропинации» и прекратить преследование участников движения трезвости в регионе [9].

Вопросы антиалкогольного движения в Буковине неоднократно обсуждались в краевом и австрийском парламентах. Особенно широкий резонанс вызвал прозвучавший в ноябре 1894 г. с трибуны австрийского рейхстага протест депутата от Буковины д-ра И. Цуркана против жестокого разгона в общине Бабин участников богослужения, принимавших присягу трезвости. К этому прибегли жандармы по приказу уездного комиссара, который принял такое решение по донесениям арендатора о том, что в селе поднялся «бунт» и «пропагандируют социализм» [5].

Движение трезвости в Хотинском уезде Бессарабской губернии по своей сути и характеру существенно отличалось от подобного движения в Герцогстве Буковина. Его развитие в общественно-правовом поле Российской империи предопределило иные механизмы и формы искоренения пьянства среди населения. В материалах хроники «Русской правды» за 1890–1892 гг. можно найти факты существования в некоторых общинах Кельменецкой, Новоселицкой, других волостей братств трезвости. Под руководством местных настоятелей они проводили антиалкогольную деятельность по примеру подобных институций в Герцогстве Буковина, но по причине равнодушия русинов и предвзятого отношения местных властей эти братства не имели существенных успехов.

Говорить о формировании на Хотинщине четкой целостной модели антиалкогольной деятельности можно только с 1895 г., когда в связи с введением государственной монополии на продажу спиртных напитков здесь начала формироваться общеимперская структура попечительства о народной трезвости. Она определяет основную суть и особенность движения трезвости в регионе: в отличие от Герцогства Буковина, она в полной мере предопределялась (организовывалась, регламентировалась, финансировалась, контролировалась) государственной властью.

В состав созданного в соответствии с регламентом [54: 14] Хотинского уездного комитета попечительства о народной трезвости входили представители местной светской и церковной элиты – председатель уездной земской управы, предводители дворянства, протоиереи, член окружного суда, уездный исполнитель, уездный врач, военный начальник, налоговый инспектор, инспекторы народных училищ. Формально комитеты попечительства о

народной трезвости существовали в каждой из 12 волостей, но их реальная активность была разной [44: 56–57]. Его члены делились на почетных – жертвователи и именитые лица, которые ежегодно вносили не менее 100 руб., и действительных, взносы которых не превышали 10 руб.

Согласно утвержденному 20 декабря 1894 г. уставу, основные цели и задачи комитета попечительства о народной трезвости состояли в проведении «в интересах народного здоровья и нравственности надзора над тем, чтобы торговля крепкими напитками производилась согласно установленным правилам»; в распространении среди населения «здравых понятий о вреде неумеренного употребления крепких напитков»; в «изыскании средств» для проведения народных чтений, издания литературы, разъяснявшей вред от злоупотребления крепкими напитками; в открытии чайных, народных библиотек и лечебных приютов «для страдающих запоем» [54: 6–12].

Одну половину финансового обеспечения попечительств составляли государственные дотации (в 1895–1905 гг. их ежегодная сумма составляла в среднем 4 млн 137 тыс. руб.), а другую – доходы от чайных-читален, столовых, реализации литературы и других услуг [7: 82; 53: 26–28].

Основными структурными компонентами реализации задач попечительства о народной трезвости стали чайные-читальни и действовавшие при них или отдельно библиотеки. Они были созданы в каждом волостном центре Хотинского уезда. Чайные-читальни выписывали периодику: в обязательный комплект входили «Вестник трезвости» и «Сельский вестник», местный ежедневник, иллюстрированная газета, духовно-религиозные журналы. Некоторые из них имели небольшие книжные фонды и абонементы с изданной в России общественно-политической и художественной литературой. Согласно предписаниям, в чайных-читальнях создавали соответствующий их предназначению интерьер: просторные комнаты с книжными шкафами и удобными столами со стульями; на стенах развешивали портреты царей, картины по сюжетам Старого и Нового заветов, географические карты преимущественно Европейской России и т. п. [54: 6–9].

Такая атмосфера, по замыслу идеологов этого проекта, должна была способствовать тому, что в чайных-читальнях крестьяне и рабочие могли попить, поесть, обменяться мыслями, погреться и т. п., не заходя в трактиры и кабаки. Сначала в них продавали только чай по 3–4 коп., а позже – белый хлеб, сушки, калачи, лимонад, конфеты и пр. В некоторых городских общинах вместо чайной-читальни открывали столовые, где предлагали недорогие горячие обеды по 10–15 коп. [53: 25–25; 54: 6–9].

Трудно оценить эффективность такой модели борьбы с пьянством. При запросах Министерства финансов 1897–1899 гг. определить результаты этой реформы местные власти указывали на сокращение потребления населением водки и огульного пьянства, вызывавшего ссоры и семейные раздоры, упорядочение его образа жизни и т. п. Однако правы авторы, утверждающие, что в большинстве таких отзывов последствия реформы выставлялись в «очень благоприятном свете». Реальные дела учреждений попечительства о народной трезвости шли «вяло и неопределенно», многие комитеты даже не реализовывали суммы выделенных субсидий [7: 81–82].

Наш анализ позволяет сделать вывод, что основная просветительская направленность деятельности попечительства о народной трезвости на Хотинщине была малоэффективна из-за низкого уровня грамотности русинов, хотя многочисленные лекции и театральные представления антиалкогольного содержания, очевидно, все-таки оказывали влияние. Это же касается и организации безалкогольных развлекательных мероприятий (музыкальных вечеров, народных театров, гуляний и т. п.), и достаточно высокой посещаемости чайных-читален и столовых, о чем свидетельствуют их показатели прибыли [44]. Таким образом, русины приучались проводить содержательный досуг без алкоголя.

Подытоживая результаты исследования, целесообразно поставить вопрос о реальных достижениях и влиянии движения трезвости на жизнедеятельность русинов Буковины во второй половине XIX – начале XX в. Отвечая на него, следует признать, что, исходя из их социокультурных традиций и условий жизни, полного отказа от алкоголя априори нельзя было ожидать. Хотя, к слову, такие феномены все же имели место. Примером служат липоване – этноконфессиональная группа российских старообрядцев, которые, спасаясь от преследований официальной православной церкви, с середины XVIII в. заселяли территорию Буковины.

Этот процесс активизировался в период австрийского господства, так что на 1910 г. их численность в крае достигла 3,2 тыс. чел. [38: 13]. Способ жизни и ментальные установки липован запрещали употреблять не только все виды алкоголя и табака, но даже чай и кофе. В общинах их компактного проживания (Белая Криница, Михорда и др.) не было кабаков. Хотя существуют свидетельства, что липоване, жившие поблизости и в самих Черновцах, Сучаве, Радовцах и др., изредка посещали такие заведения [62: 4].

В качестве выводов отметим, что характер производства и реализации алкоголя в Буковине, входившей во второй половине XIX – начале

XX в. в состав монархии Габсбургов и Российской империи, обусловил направленность и масштабы развертывания движения трезвости среди русинов края. Этот сложный многоаспектный процесс разворачивался на общеевропейском фоне и сопровождался использованием разных механизмов, форм, средств борьбы с пьянством. Она давала положительные, но преимущественно краткосрочные результаты.

Представленный исторический опыт позволяет говорить, что для успешной борьбы с пьянством необходимо, с одной стороны, органическое сочетание самодеятельности, инициативности, творчества, сознательности гражданского общества (опыт Герцогства Буковина) и действенной финансовой, организационной и другой помощи государства – с другой (опыт Хотинщины). Только при объединении этих двух начал возможны значимые и стабильные изменения в образе мышления людей и осознание ими возможностей счастливой, свободной от алкогольной зависимости жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В обстоятельном историографическом анализе С. Суляка [52] приводятся различные данные, представленные исследователями, о составе населения Бессарабии. При его определении в отношении Хотинского уезда мы апеллируем к работам ученых, которые базируются на результатах официальной статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Білецький І. Допис з Чунькова // Буковина. 1890. 12 квітня.
2. Ботушанський В. З історії руху трезвості та антиалкогольної боротьби на Буковині (70-ті рр. XIX – початок XX ст. // Науковий вісник Чернівецького університету. Історія. 2010. Вип. 514. С. 28–36.
3. Буковина. 1895. 6 серпня.
4. Буковинські ведомости. Черновці, 1895. 20 жовтня.
5. Буковинські ведомости. Черновці, 1897. 21 листопада.
6. Буковинські ведомости. Черновці, 1899. № 13. С. 3.
7. Букреева О.Г. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. // Культура и образование. 2014. № 4 (15). С. 79–84.
8. Вальявська К.В. Світське життя Буковини: соціальний та культурний простір (1848–1914): дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2016. 355 с.
9. В справі X-го Міжнародного алькогольного зїзду в Будапешті // Буковина. 1905. 1 жовтня.
10. Герасимович І. Шинки на Буковині // Буковина. 1908. 15 квітня.
11. Гредингер М. Основы питейной монополии въ Росіи // Историко-юридические очерки. Рига: Типогр. А.И. Липинского, 1895. С. 51–55.

12. *Гринишинь М.* Дванадцять розбойниковъ нашего русского народа // Селянинъ. 1896. № 5–6. С. 32.
13. Державний архів Чернівецької області (ДАЧО). Ф. 3. Оп. 1. Спр. 4434. Арк. 3–5.
14. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 5178. Арк. 6–8.
15. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 6041. Арк. 1–9.
16. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Спр. 10069. Арк. 16.
17. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 2. Спр. 21121. Арк. 18–280.
18. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 2. Спр. 23670. Арк. 32–35.
19. ДАЧО. Ф. 115. Оп. 2. Спр. 30141. Арк. 1–2.
20. *Добержанський О.В.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. 574 с.
21. Жертва п'янства // Буковински ведомости. 1896. № 36. С. 3.
22. Законъ з 19 липця 1877, котрымъ выдаются уставы для воздержанія п'янства. Вестникъ законовъ державнихъ для королевствъ и краєвъ въ Державной Думѣ заступлєныхъ. Рочникъ. 1877. Видень, 1877. С. 131–138.
23. Злочини і відносини суспільні // Діло. 1899. 10, 12 липня.
24. Злочини і алкоголь // Діло. 1909. 21 березня.
25. 3 промови Лефлера на Міжнародному алькогольному конгресі у Відні // Діло. 1901. 6 вересня.
26. Изъ Бразы // Буковински ведомости. 1896. № 39. С. 2–3.
27. Изъ Бразы // Буковински ведомости. 1897. № 7. С. 3.
28. *Кайндль Р.Ф.* Пророк тверезості // Неділя. 1895. 3 листопада.
29. *Климова С.* Алкоголизм: обыденные теории. Социальная реальность. 2007. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-225.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
30. *Кожоляно Г.К.* Етнографія Буковини: у 3 т. Чернівці: Золоті литаври, 1999. Т. 1. 384 с.; 2001. Т. 2. 424 с.; 2004. Т. 3. 392 с.
31. *Купчанко Г.* Буковина и еи русские жители. Видень: Просвещение, 1895. 53 с.
32. *Купчанко Г.* Горілка, або яко вылечится отъ п'янства. Видень, 1889. 16 с.
33. *Курукин И., Никулина Е.* «Государево кабацкое дело». Очерки питейного дела и традиций в России. М.: АСТ Люкс, 2005. 383 с.
34. *Манастырський А.* О нищете (бедноте) нашего народа. Моим братьям-селянам. Черновцы: Типограф. А. Морара-Андриевича, 1894. 47 с.
35. *Мендельсонъ А.* Итоги принудительной трезвости новые формы п'янства. Петроградъ: Государственная типография, 1916. 55 с.
36. *Млака Д.* Старий Лесь Чорновол // Буковина. 1901. № 29. С. 3.
37. *Манастырський А.* Проповедь на неделю 7 по сошествіи Св. Духа // Candela. Foaia bisericeasca-literaria. Anyl 1884. № 7. Р. 452–457.
38. *Монолатій І.* Австрійська Буковина: особливості національних, професійних та мовних поділів // Незалежний часопис «І». Чернівці, 2009. Ч. 56. С. 11–35.
39. *Навроцький В.* П'янство і пропінація в Галичині. Громада. Женева, 1882. Т. V. 63 с.
40. Народна рада. 1907. № 12. С. 5.

41. Народ наш подноситься // Буковински ведомости. 1895. № 17. С. 4.
42. Несчастни случаи // Буковински ведомости. 1897. № 1. С. 3.
43. Новый пророк // Буковински ведомости. 1895. № 8. С. 3; 1897. № 9. С. 3.
44. Отчёт о деятельности Бессарабского попечительства о народной трезвости за 1911 год. Кишинёв: Тип. Бессараб. губерн. правления, 1913. 66 с.
45. Переворот в гостинно-шинкарськiм промислi // Дiло. 1909. 24 грудня.
46. *Побережник І.* Роль та місце алкогольних напоїв у побуті українців Буковини та Хотинського повіту (друга половина XIX – початок XX ст. // *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: зб. наук. пр.* Чернівці, 2009. Т. 2. С. 217–227.
47. Пророчица // Буковински ведомости. 1897. № 17–18. С. 3–4.
48. *Розвадский Ю.Е.* Алкогольная политика в европейской перспективе // *Журнал Гродненского государственного медицинского университета.* 2005. № 1. С. 21–24.
49. *Савчук Б.* Корчма: алкогольна політика і рух тверезості в Західній Україні у XIX – 30-х рр. XX ст.). Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2001. 246 с.
50. *Семанюк Ф.* Слово о пiянствi // *Candela. Foaisa bisericeasca-literaria.* Anul 1884. № 1. Р. 56–61.
51. *Скорейко Г.М.* Населення Буковини за австрійськими урядовими переписами другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці: Прут, 2002. 220 с.
52. *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // *Русин.* 2015. № 1. С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
53. *Соколов В.Ю.* Бібліотеки та читальні комітетів піклування про народну тверезість. в Україні наприкінці XIX – на початку XX століття // *Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія.* 2016. № 2. С. 21–39.
54. Устав попечительств о народной трезвости, высочайше утвержденный 20 декабря 1894 г. Сост. чл. Вилен. уезд. ком. попечительства о нар. трезвости. Вильна, 1902. 314 с.
55. Уставъ Общества тверезости // *Русская правда.* 1890. № 10. С. 69–70.
56. *Франко І.* Що то була панщина // *Франко І.* Збiр. тв. у 50 т. Київ: Наукова думка, 1986. Т. 44, кн. 2. С. 495–500.
57. *Berichte über die öffentlichen Sitzungen der Bukowiner Handels – und Gewerbekammer in Czernowitz. Jähner-Dezember, 1905.* 237 s.
58. *Bruun K., Edwards G.* Alcohol Control Policies in Public health Perspective. *Lumio-Helsinki,* 1975. 106 p.
59. *Bukowinaer Rundschau. Czernowitz, 1892.* 24 april.
60. *Bukowinter Rundschau. Czernowitz, 1898.* 11 august.
61. *Cybulski N.* Proba badan nad zywniem ludu wiejskiego w Galicyi. *Cracjw, 1894.* 226 p.
62. *Die Propination – Ablosung. Czernowitz, 1888.* 47 s.
63. *Edwards G., Anderson P., Babor T.* Alcohol Policy and the Public Good. *Oxford,* 1994. 316 p.
64. *Kaindl R.F.* Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Drei Teille in einem Band. *Czernowitz: Buchhandlung von R. Eckhardt, 1904.* 154 p.

65. Osterberg E., Karlsson T. Alcohol Policies in EU Member State and Norway. A Collection of Country Report. Helsinki, 2002. 76 p.
66. Protokolle Auswanderungs-Conferenzen. Czernowitz. 1901. 260 p.
67. Samuelson J. The History of Drink: A review, social, scientific, and political // Paperback. 30 November. 2005. URL: <http://archive.org/historydrinkare01samigoog> (дата обращения: 1.11.2020).

REFERENCES

1. Biletsky, I. (1890) Dopis z Chun'kova [Letter from Chunkov]. *Bukovina*. 12th April.
2. Botushansky, V. (2010) Z istorii rukhu tverezosti ta antialkogol'noi borot'bi na Bukovini (70-ti rr. XIX – pochatok XX st.) [On the history of the movement of sobriety and anti-alcohol struggle in Bukovyna (1870s – early 201th centuries)]. *Naukoviy visnik Chernivets'kogo universitetu. Istoriya*. 514. pp. 28–36.
3. *Bukovina*. (1895) 6th August.
4. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895a) 20th October.
5. *Bukovins'ki vedomosti*. (1897a) 21st November.
6. *Bukovins'ki vedomosti*. (1899) 13. p. 3.
7. Bukreeva, O.G. (2014) Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' popechitel'stva o narodnoy trezvosti v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational activities of the guardianship for public sobriety in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Kul'tura i obrazovanie – Culture and Education*. 4(15). pp. 79–84.
8. Valyavska, K.V. (2016) *Svits'ke zhittya Bukovini: sotsial'niy ta kul'turniy prostir (1848–1914)* [Secular life of Bukovina: social and cultural space (1848–1914)]. History Cand. Diss. Chernivtsi.
9. *Bukovina*. (1905) V spravi X-go Mizhnarodnogo al'kogol'nogo zizdu v Budapeshti [In the case of the 10th International Alcohol Congress in Budapest]. 1st October.
10. Gerasimovich, I. (1908) Shinki na Bukovini. *Bukovina*. 15th April.
11. Gredinger, M. (1895) *Istoriko-yuridicheskie ocherki* [Historical and Legal Essays]. Riga: A.I. Lipinsky. pp. 51–55.
12. Grinishin, M. (1896) Dvanadsyat' rozboynikov" nashogo russkogo naroda [Twelve robbers of our Russian people]. *Selyanin*". 5–6. pp. 32.
13. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 4434. Arc. 3–5.
14. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 5178. Arc. 6–8.
15. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 6041. Arc. 1–9.
16. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 1. File 10069. Arc. 16.
17. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 21121. Arc. 18–280.

18. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 23670. Arc. 32–35.
19. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 115. List 2. File 30141. Arc. 1–2.
20. Dobrzhansky, O.V. (1999) *Natsional'niy rukh ukraïntsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national movement of Ukrainians in Bukovina in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Chernivtsi: Zoloti litavri.
21. *Bukovins'ki vedomosti.* (1896a) Zhertva piyanstva [Victim of drunkenness]. 36. p. 3.
22. The State Duma. (1877) Zakon" z 19 liptsya 1877, kotorym" vydayutsya ustavy dlya vozderzhaniya piyanstva [Law of July 19, 1877, which issued charters for abstinence from drunkenness]. *Viestnik zakonov derzhavnikh dlya korolevstv i kraiev v Derzhavnoy Dume zastuplenykh.* pp. 131–138.
23. *Dilo.* (1899) Zlochiny i vidnosiny suspil'ni [Crimes and public relations]. 12th July.
24. *Dilo.* (1909a) Zlochiny i alkogol' [Crime and alcohol]. 21st March.
25. *Dilo.* (1901) Z promovi Leflera na Mizhnarodnomu al'kogol'nomu kongresi u Vidni [From Lefler's speech at the International Alcohol Congress in Vienna]. 6th September.
26. *Bukovins'ki vedomosti.* (1896b) Iz Bryazy. 39. pp. 2–3.
27. *Bukovinski vedomosti.* (1897b) Iz Bryazy. 7. p. 3.
28. Kaindl, R.F. (1895) Prorok tverezosti [The prophet of sobriety]. *Nedilya.* 3rd November.
29. Klimova, S. (2007) *Alkogolizm: obydenne teorii. Sotsial'naya real'nost'* [Alcoholism: everyday theory. Social reality]. [Online] Available from: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-225.pdf>. (Accessed: 1st November 2020).
30. Kozholyanko, G.K. (1999) *Etnografiya Bukovini: u 3 t.* [Ethnography of Bukovina: in 3 vols]. Vol. 1. Chernivtsi: Zoloti litavri.
31. Kupchanko, G. (1895) *Bukovina i ei russkie zhiteli* [Bukovina and its Russian residents]. Vienna: Prosvishchenie.
32. Kupchanko, G. (1889) *Gorilka, abo yako vylechitsya ot" p'yanstva* [Vodka, or how to cure drunkenness]. Vienna: [s.n.].
33. Kurukin, I. & Nikulina, E. (2005) "Gosudarevo kabatskoe delo". *Ocherki piteynogo dela i traditsiy v Rossii* ["Sovereign tavern business". Essays on drinking business and traditions in Russia]. Moscow: AST Lyuks.
34. Manastyrsky, A. (1894) *O nishchete (bednote) nashego naroda. Moim brat'yam-selyanam* [About the poverty of our people. To my peasant brothers]. Chernivtsi: A. Morar-Andrievich.
35. Mendelson, A. (1916) *Itogi prinuditel'noy trezvosti novye formy p'yanstva* [The results of forced temperance – new forms of drunkenness]. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Mlaka, D. (1901) Stariy Les' Chornovol [Old Les Chornovol]. *Bukovina.* 29. p. 3.
37. Monastyrsky, A. (1884) Propoved' na nedelyu 7 po soshestvii Sv. Dukha [Sermon for Week 7 on the Descent of the Holy Spirit]. *Sandela. Foaisa bisericeasca-literaria.* 7. pp. 452–457.

38. Monolatiy, I. (2009) Avstriys'ka Bukovina: osoblivosti natsional'nikh, profesiynikh ta movnikh podiliv [Austrian Bukovina: features of national, professional and linguistic divisions]. *Nezalezhnyi chasopis "I"*. 56. pp. 11–35.

39. Navrotsky, V. (1882) Piyanstvo i propinatsiya v Galichini [Drunkenness and propination in Galicia]. *Gromada*. 5.

40. *Narodna rada*. (1907) 12. p. 5.

41. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895b) Narod nash podnosytsia. 17. p. 4.

42. *Bukovinski vedomosti*. (1897c) Neschastni sluchai. 1. p. 3.

43. *Bukovins'ki vedomosti*. (1895c) Novyy prorok [The New Prophet]. 8. p. 3.

44. Bessarabian Guardianship for Public Sobriety. (1913) *Otchet o deyatel'nosti Bessarabskogo popechitel'stva o narodnoy trezvosti za 1911 god* [Report on the activities of the Bessarabian Guardianship for Public Sobriety for 1911]. Chişinău: Tip. Bessarab. gubern. pravleniya.

45. *Dilo*. (1909b) Perevorot v gostinno-shinkars'kim promisli. 24th December.

46. Poberezhnik, I. (2009) Rol' ta mistse alkogol'nikh napoїв u pobuti ukraїntsiiv Bukovini ta Khotins'kogo povitu (druga polovina XIX – pochatok XX st. [The role and place of alcoholic beverages in the life of Ukrainians in Bukovyna and Khotyn district (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Pitannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkhologii y etnologii*. 2. pp. 217–227.

47. *Bukovins'ki vedomosti*. (1897d) Prorochnitsa [Propination]. 17–18. pp. 3–4.

48. Rozvadsky, Yu.E. (2005) Alkogol'naya politika v evropeyskoy perspektive [Alcohol policy in the European perspective]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 1. pp. 21–24.

49. Savchuk, B. (2001) *Korchma: alkogol'na politika i rukh tverezosti v Zakhidnyy Ukraїni u XIX – 30-kh rr. XX st.*. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.

50. Semanyuk, F. (1884) Slovo o piyanstv' [A word about drunkenness]. *Sandela. Foaisa bisericeasca-literaria*. 1. pp. 56–61.

51. Skoreyko, H.M. (2002) *Naselennya Bukovini za avstriys'kimi uryadovimi perepisami drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* Chernivtsi: Prut.

52. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin*. 1. pp. 95–115 (in Russian). DOI 10.17223 / 18572685/39/7

53. Sokolov, V.Yu. (2016) Biblioteki ta chital'ni komitetiv pikluvannya pro narodnu tverezist' v Ukraїni naprikintsi XIX – na pochatku XX stolittya [Libraries and reading rooms of people's sobriety care committees. in Ukraine in the late 19th – early 20th century]. *Bibliotekoznavstvo. Dokumentoznavstvo. Informologiya*. 2. pp. 21–39.

54. The Vilna County Committee of the Guardianship for Popular Sobriety. (1902) *Ustav popechitel'stv o narodnoy trezvosti, vysochayshe utverzhdenyy 20 dekabrya 1894 g.* [The Charter of guardianships for national sobriety, supremely approved on December 20, 1894]. Vilna: [s.n.].

55. *Russkaya Pravda*. (1890) Ustav Obshchestva tverezosti [The Charter of the Sobriety Society]. 10. pp. 69–70.

56. Franko, I. (1986) *Zibrannia tvoriv u 50 t.* [Collected Works in 50 vols]. Vol. 44(2). pp. 495–500.

57. The Bukovinian Chamber of Commerce and Industry in Chernivtsi. (1905) *Berichte über die öffentlichen Sitzungen der Bukowiner Handels – und Gewerkekammer in Czernowitz*. Jänner-Dezember.

58. Bruun, K. & Edwards, G. (1975) *Alcohol Control Policies in Public Health Perspective*. Lumio-Helsinki: [s.n.].

59. *Bukowinaer. Rundschau Czernowitz*. (1892) 24th April.

60. *Bukowinter. Rundschau Czernowitz*. (1898) 11th August.

61. Cybulski, N. (1894) *Proba badan nad zywieniem ludu wiejskiego w Galicyi*. Krakow: [s.n.].

62. Anon. (1888) *Die Propination – Ablosung*. Chernivtsi: [s.n.].

63. Edwards, G., Anderson, P. & Babor, T. (1994) *Alcohol Policy and the Public Good*. Oxford: Oxford University Press.

64. Kaindl, R.F. (1904) *Geschichte der Bukowina von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Drei Theile in einem Band*. Chernovtsi: Buchhandlung von R. Eckhardt.

65. Osterberg, E. & Karlsson, T. (2002) *Alcohol Policies in EU Member State and Norway*. A Collection of Country Report. Helsinki: Stakes.

66. Anon. (1901) *Protokolle Auswanderungs-Conferenzen*. Chernivtsi: [s.n.].

67. Samuelson, J. (2005) *The History of Drink: A review, social, scientific, and political Paperback – November 30, 2005*. [Online] Available from: <http://archive.org/historydrinkare01samugoog> (Accessed: 1st November 2020).

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com